

ЮВЕЛИРНЫЕ УКРАШЕНИЯ ИЗ КУРГАНА ВОЗЛЕ СЕЛА БУДКИ

Реферат: *Статья посвящена материалу из малоисследованного женского погребения из кургана возле с. Будки Сумской области. Представлены и подробно рассмотрены предметы торевтики, среди которых особое внимание уделено пластинам-аппликациям, как самой многочисленной группе украшений. Проанализировав погребения с аналогичным инвентарем с территории Лесостепи, было установлено, что в данном захоронении находился самый разнообразный набор пластин-аппликаций. Это указывает на наличие довольно состоятельной прослойки общества, а также, на достаточно широкое распространение таких украшений как нашивные бляшки, которые являлись более характерным и популярным декоративным элементом костюма скифского времени степной территории Украины.*

Ключевые слова: *Левобережная Лесостепь, украшения, пластины-аппликации, курган, погребение, предметы торевтики.*

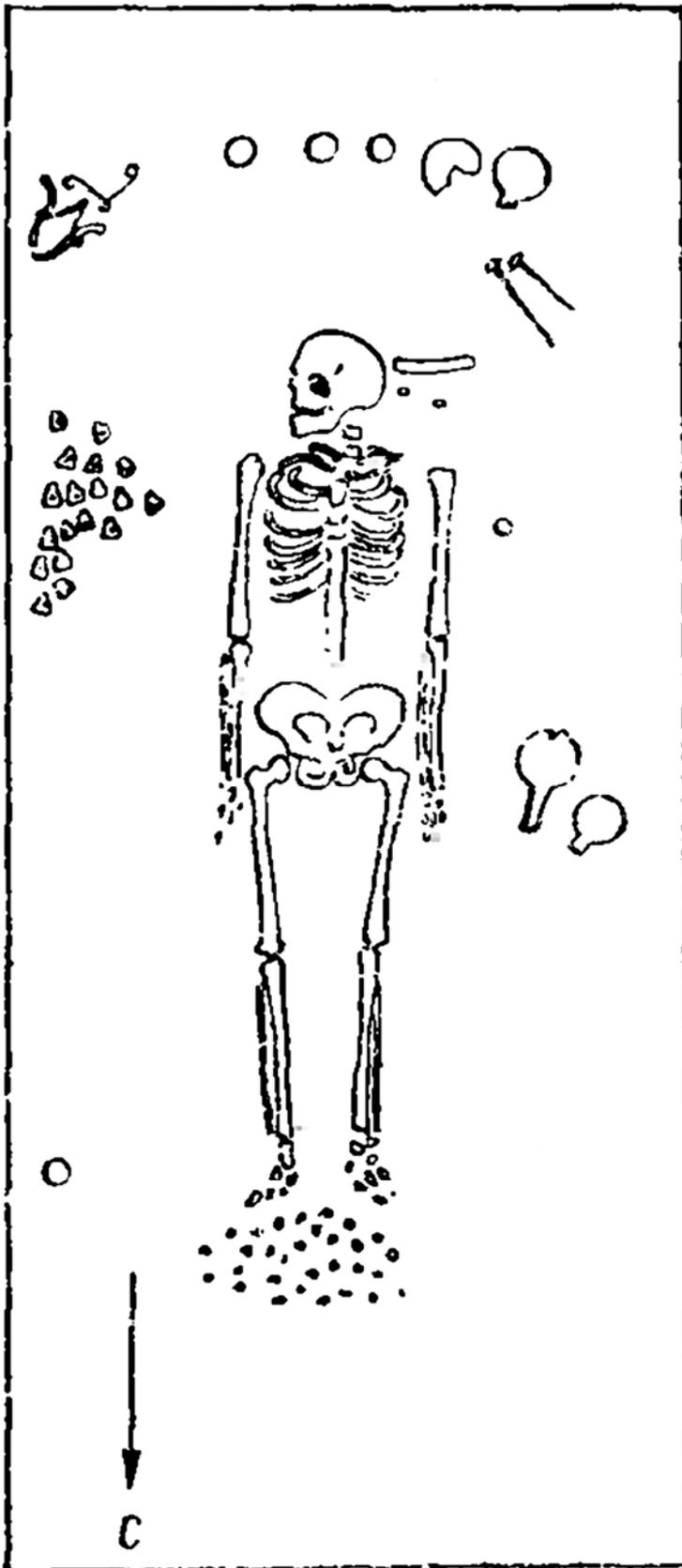
Памятники Лесостепи скифского времени привлекали внимание исследователей ещё в XIX в. Среди них особое место занимают памятники Посульской группы на территории Левобережной Лесостепи. По мнению А.И. Тереножкина они не имеют аналогов в Северном Причерноморье, но ни один из курганов этой группы не был исследован полностью [Ильинская, Тереножкин 1983, с. 315]. К сожалению, многие из них оказались разграбленными и разрушенными, поэтому только треть имеет научное значение. В Музее исторических драгоценностей Украины хранятся украшения из немногочисленных посульских курганов.

В данной работе будут рассмотрены украшения из кургана у с. Будки Сумской обл. IV вв. до н.э. Судя по публикации материалов погребения в “Древностях Приднепровья” [Ханенко, Ханенко 1899, с. 7-8] и в монографии В.А. Ильинской [Ильинская 1968, с. 42-43] данное погребение не пострадало от грабительских раскопок и все предметы находились *in situ*. Поэтому этот комплекс имеет немалую научную ценность для исследователей в поисках аналогий, изучения социально-экономических вопросов, для уточнения особенностей искусства скифской эпохи в Украинской Лесостепи.

Курган возле с. Будки был исследован С.А. Мазараки в 1897-1898 гг. [Ильинская, Тереножкин 1983, с. 315; Ильинская 1968, с. 42-43, табл. XXXIII]. В насыпи кургана высотой 2,8 м было открыто впускное погребение богатой скифянки в деревянном склепе. Скелет женщины лежал головой на юг с вытянутыми вдоль туловища руками (рис. 1). У шеи скелета находились бусы, а с левой стороны головы золотая пластина (метопида), на которой изображены олень и два грифона. У головы две золотые серьги, а на левой руке золотой перстень. С левой стороны, на высоте головы, подставка из белой массы, и кусок синей эмали, далее 4 бронзовых зеркала и 2 большие бронзовые гвоздевидные булавки. В южной стороне могилы стояли 3 терракотовые вазы, греческий серебряный орнаментированный сосуд и находилась конская узда. У ног скелета, в северной части могилы, были разбросаны золотые пластинки, служившие украшениями одежды. У северной стены и в северо-восточном углу захоронения стояли 2 амфоры и 9 сосудов грубой работы, у восточной стены 26 бронзовых колокольчиков [Ханенко, Ханенко 1899, с. 7-8].

Возможно, что это женское захоронение относилось к основному мужскому, но к сожалению, информация об основном захоронении отсутствует. Одной из особенностей посульских курганов V-IV вв. до н.э. был обычай делать впускные погребения в насыпи более ранних курганов. Устройство склепа впускных захоронений не отличается от основных. Очевидно, в насыпи более раннего кургана делали впускные могилы для родственников главного умершего, ради которого и сооружался курган. Кроме того, в

большинстве случаев именно такие могилы оставались не ограбленным, возможно, это одна из причин устройства таких захоронений [Ильинская 1968, с. 84-85].

← Рис. 1. Будки, план погребения

← Fig. 1. Budky, burial plan

Благодаря публикации материалов раскопок этого захоронения в “Древностях Приднепровья” и монографии В.А. Ильинской “Скифы Днепровского лесостепного Левобережья” нам известно более или менее точное количество найденных предметов торевтики, которые можно разделить на личные украшения и украшения костюма. К личным украшениям относятся две золотые серьги и золотой перстень с широкой дужкой и плоским щитком. Следует отметить, что в публикациях этих вещей есть различия – так, в таблице “Древностей Приднепровья” под номером 421 опубликовано три сережки, найденные в захоронении. Две из них имеют вид двух конусов с закругленной вершиной, третья также имеет конусовидную шляпку, но без дужки, возможно, она выглядела как сережка гвоздевидной формы (к сожалению, изображения в “Древностях Приднепровья” не совсем понятны). В более поздней публикации В.А. Ильинской [Ильинская 1968, с. 42, 140] также упоминаются три сережки, но из текста следует, что две из них имеют вид “тоненьких гранёных пирамидок, прикрепленных к крючкам”, а одна в виде круглой в сечении проволоки с подвеской-камнем. При подготовке статьи были приняты во внимание обе публикации, но в коллекции Музея из данного погребения найдено лишь сережку из золотой проволоки с подвеской – камнем. Поэтому в данной работе в контексте

захоронения будет рассматриваться только этот экземпляр.

← Рис. 1. Будки, золотые украшения

← Fig. 1. Budky, gold jewelry

Сережка в виде кольца из круглой в сечении проволоки с несомкнутыми концами $D = 34,5$ мм и подвеской – камнем черно-золотистого цвета (рис. 2, 1). Такие серьги были широко распространены как среди скифского рядового населения, так и у более состоятельной прослойки населения. Их находят в погребениях (как в мужских, так и в женских) и на поселениях IV-III вв. до н.э. [Ильинская 1968, с. 42, 140]. Богатство погребального инвентаря определял материал и характер подвески. У серёжек подобного типа различный характер проволочных концов, что дает возможность определить как крепились эти украшения к головному убору; или их протягивали в мочку уха. На экземпляре, найденном в захоронении вблизи с. Будки, один конец дужки был просто обрезан, но другой имеет закругленную форму. Исходя из этого, можно сделать предположение, что эту серьгу носили в ухе, а не крепили к головному убору.

К подобным сережкам подвешивали стеклянные бусины (в количестве от одной до четырех), или изготавливали подвески в виде геометрических фигур: пирамиды, конуса, трапеции из различных материалов - кости, янтаря, кусочка чернолаковой посуды. Иногда, в качестве подвесок

использовали кольца меньшего или одинакового с основным диаметра. В захоронениях, принадлежавших состоятельным лицам, найдены серьги из золотой проволоки с янтарными или гагатовыми бусинами. По мнению В.Г. Петренко именно гагат украшал вышеупомянутую сережку [Петренко 1978, с. 37-38]. Гагат (черная яшма) известен с глубокой древности и считался камнем, обеспечивающим защиту от злых духов. Исследования последнего времени показали, что камень, найденный в кургане у с. Будки может быть пиритом (другое название – золотая обманка), ошибочно принятый за гагат.

Перстень, найденный в захоронении, можно отнести к типу позднескифской культуры – с несомкнутыми концами и гладким щитком (рис. 2, 2). Такие украшения появляются в погребениях в IV в. до н.э. [Ильинская 1968, с. 42, 140, 142]. Перстни такого типа из золота или серебра были найдены в богатых захоронениях, таких как: Толстая Могила, Деев курган, Мордвиновский и Мелитопольский курганы.

Украшения костюма можно разделить по функциональной принадлежности: украшение головного убора – метопида, и украшения собственно костюма (возможно, покрывала) – пластины-аппликации. Все эти предметы торевтики выполнены в технике штампа, в низком рельефе.

Золотая лента-метопида, была найдена с левой стороны головы умершей (рис. 2, 3). До недавнего времени метопида хранилась в фондах Музея в фрагментированном состоянии, в данной работе она публикуется впервые после реставрационных работ. Её современные размеры 275×51 мм. По нижнему краю она украшена стилизованными овами, над которыми размещён фриз с изображением оленя и четырёх орлиноголовых грифонов, которые нападают на него по два с обеих сторон. Подобный сюжет является достаточно

распространенным в художественном искусстве Востока и на предметах эллино-скифской торевастики. Е.Е. Кузьмина видит в нем воспроизведение идеи борьбы между добром и злом, жизнью и смертью [Кузьмина 1976, с. 70]. Трактовка животных на этой метописе отличается значительной стилизацией и витиеватостью форм, подобная манера изображений встречается на одной из кульобских чаш [Ильинская 1968, с. 42, 138; Онайко 1970, с. 64-65]. Похожие ленты были найдены в богатых скифских захоронениях IV в. до н.э., они украшали переднюю часть головных уборов и довольно часто на них изображали сцены терзания и растительные мотивы. Метопиды – более характерная составляющая женского костюма и погребального инвентаря, но, очевидно, их использовали и как украшения мужских головных уборов. По реконструкции Г. Боровки, поддержанной В.А. Ильинской, такие метопиды входили в состав головного убора с высоким верхом и убора в виде шляпы расширенной сверху с плоским верхом типа калатоса [Ильинская 1968, с. 42, 138]. В более поздней публикации Т.В. Мирошиной метопиды, подобные найденной, относятся к типу коротких метопид и могли быть элементом конусовидных головных уборов [Мирошина 1981, с. 59].

Прямых аналогий сюжету на данном украшении нет, но несколько подобных по иконографии изображений, на которых воспроизводятся крылатые львы и грифоны, терзающие оленя, можно увидеть на метописе из кургана № 5 у с. Аксютинцы.

По мнению Л.С. Клочко, подобные ленты, как и другие золотые украшения, были символами достатка и социального положения как лично женщины, так и семьи, к которой она принадлежала. Захоронения, аналогичные рассматриваемому, принадлежали женщинам, которые выделялись своим социальным положением. Богатый инвентарь по форме и декору часто подобен украшениям из царских курганов. Это позволяет определить аналогичные погребения, как захоронения представителей знати. Сакральные черты в этих женских могилах отсутствуют, но символика изображений на найденных украшениях не исключает участия погребенных женщин в ритуальных действиях [Клочко 1982, с. 51-52].

Переходя к рассмотрению самой многочисленной группы находок этого захоронения, а именно пластинам-апликациям, следует отметить, что весь комплект пластин был найден в ногах умершей. Представленные изделия можно разделить по сюжетам на несколько групп:

- антропоморфные;
- зооморфные;
- с растительными мотивами;
- геометрической формы.

Антропоморфные изображения.

Пластины с антропоморфным изображением общим количеством 12 экземпляров, представляют собой золотые бляшки с изображением женской головы в фас (рис. 3, 1). Размеры 25×30 мм. Пышная прическа разделена на пряди, глаза миндалевидной формы, на шее гривна и ожерелье из крупных бусин. Возможно, что прототипами этим пластинам были пластины и медальоны греческой работы с изображением богини Деметры или Кору с пышной прической и бусами, или же голова Афины в крылатом шлеме с прядями, спускавшимися из-под него [Ильинская 1968, с. 42, 143]. Пластины с аналогичным изображением происходят из кургана № 1 у с. Волковцы. В этом захоронении пластины двух типов. Первое – изображение женской головы в фас с пышной прической, обрамленной рельефными точками, которые, возможно, имитируют покрывало, с гривной и бусами на шее. Второе подобно первому, но без рельефных точек, кроме того, прическа дополнена косами, спускающимися с обеих сторон головы. Более утонченными и реалистичными являются изображения женской головы в фас на пластинах из Большой Близницы и Елизаветинского кургана. Возможно, что пластины из курганов у с. Волковцы и Будки – это попытка передачи боспорскими торевами этнического типа, что отмечено в женском

изображении на ритоне из Мерджана и прослеживается в синдской культуре, а также керамических изделиях Боспора [Ильинская 1968, с. 42, 143; Онайко 1970, с. 66].

Рис. 1. Будки, золотые пластины-аппликации
Fig. 1. Budky, gold plate-applications

Зооморфные изображения.

Пластины золотые с изображением грифона вырезанные по контуру, найденные в количестве 7 экземпляров (рис. 3, 2). Размеры 32×25 мм. Орлиноголовый грифон изображен в движении в профиль вправо. Видны все четыре лапы, которые отставлены на шаг одна от другой, передняя правая немного поднята над землёй. Небольшого размера голова грифона с большим круглым глазом и острым хищно загнутым клювом. Уши треугольной формы посажены вертикально. Выпуклыми точками обозначен мех на шее, треугольниками – мех или молочные железы на животе мифического существа. Хвост по-змеиному изогнут и закручен на конце в неполную петлю. Контур фигуры обозначены четкими линиями.

Прямых аналогий приведенным выше пластинам нет, но можно провести параллель передачи отдельных деталей изображения. Шагающий грифон представлен на предметах из курганов степной полосы IV в. до н.э.: Толстая Могила, Днепропетровская обл.; Бердянский курган, Запорожская обл.; Гайманова Могила, Запорожская обл.; курган № 1 возле с. Чкалово, Запорожская обл.; Братолюбовский курган, Херсонская обл.; Большая Близница, Таманский п-ов.

Подобная схема передачи крыла также характерна для IV в. до н.э. на предметах степной территории: курган Драная Кохта возле ст. Желтокаменка, Днепропетровская обл.; курган Толстая Могила, Днепропетровская обл.; Бердянский курган, Запорожская обл.; Гайманова Могила, Запорожская обл.; курган № 2 возле с. Вильна Украина, Херсонская обл.; курган Огуз, Херсонская обл.; курганы Куль-Оба и Дорт-Оба, Крым.

Другое изображение этого мифического существа представлено на 6 золотых прямоугольных пластинах (рис. 3, 3). Размеры 31×33 мм. Орлиноголовый грифон изображен в геральдической позе, повернутый в профиль вправо. Мифическое существо стоит на мощных задних лапах, передними опирается на отросток растения или рог оленя. Голова грифона небольшая с круглым глазом, раскрытым клювом и высунутым языком. Вдоль длинной шеи грифона, с внешней стороны, изогнутыми линиями передан гребень, с внутренней рельефными точками обозначен мех. Тело худощавое, хвост веероподобной формы. Объемными рельефными линиями и точками обозначены перья на раскрытом крыле. Изображение стилизованное, четкими тонкими линиями обозначены контуры тела. Иконография крыла очень необычна, так как перья переданы рельефными линиями с объемными овальными завершениями.

Прямых аналогий этим бляшкам нет. Определенные параллели в изображении клюва, трактовке крылья наблюдаются только на аппликациях из Толстой Могилы [Мозолевский 1979, с. 131, рис. 111, 1]. Если обратить внимание на изображение хвоста в виде веера, то подобная трактовка встречается на разноплановых предметах степной полосы IV в. до н.э.: на пластинах-обивках чаши с изображением мифического существа из Бердянского кургана Запорожской обл., на ажурных пластинах-украшениях головного убора из кургана № 21 у с. Каменка Николаевской обл.; ажурной пластине-украшении горита и на бронзовом навершии из кургана Толстая Могила Днепропетровской обл.

К зооморфным изображениям относится, и набор пластин с изображением оленя, найденных в количестве 6 экземпляров (рис. 3, 4). Размеры 22×20 мм. Образ этого животного связывают с соляным культом, он достаточно широко распространен на предметах эллино-скифской торевтики. В данном случае на золотых четырехугольных пластинах изображена фигура оленя, повернутого влево, в статичной позе с поджатыми ногами. Голова животного, с треугольным ухом и круглым глазом, поднята вверх на вытянутой шее. Ветвистые рога, своей длиной преувеличивают длину туловища и производят впечатление тяжеловесности и массивности. Изображение довольно схематично, более тщательно прорисованные лишь отростки рогов и ребра оленя. По краю пластины кант в виде плетенки.

Аналогичные изображения встречаются только в степных курганах: возле с. Шульговка (Запорожская обл.) IV в. до н.э.; кургане Огуз (Херсонская обл.) IV-III вв. до н.э. Появление характерного для скифского искусства образа оленя с поджатыми ногами Н.Л. Членова видит в художественной традиции памятников Ирана и Месопотамии III-II тыс. до н.э., Л.Л. Баркова – в известных наскальных изображениях и оленных камнях Монголии и Тувы конца бронзового и начала железного века [Баркова 1990, с. 58-59].

Образ оленя был известен многим индоиранским народам и считался семантическим эквивалентом коня. В скифском зверином стиле образ оленя распространен как символ солнца, плодородия, ассоциировался с деревом жизни, культом богини-матери.

В единственном экземпляре была найдена пластина, которая включает в себя как зооморфные, так и растительные мотивы (рис. 3, 5). Размеры этой пластины 40×20 мм. Сама

пластина фигурная, имеет удлиненную форму, украшена пальметтами и завитками. Органично вплетены в орнамент головы фантастических существ, обращенные друг к другу, которые будто вырастают из растительных побегов. Ажурные пластины с подобными мотивами известны в степных курганах IV в. до н.э., но полных стилистических и иконографических аналогий не известно.

Растительные мотивы.

В рассматриваемом погребении был обнаружен лишь один вид пластин-аппликаций с растительным орнаментом в количестве 7 экземпляров (рис. 3, 6). Круглые выпуклые бляшки, украшенные растительным узором – одинадцатилепестковой розеткой с выпуклой серединкой, окруженной бордюром, как и край пластины. Размеры 18×17 мм. Аналогичные пластины происходят из кургана Желтокаменка (их поверхность украшает подобный растительный мотив), а также из кургана Чертомлык, Днепропетровская обл., IV в. до н.э. и кургана Огуз, Херсонская обл., IV-III вв. до н.э.

Геометрические мотивы.

Пластины с геометрическим орнаментом имели широкое распространение в украшении скифского костюма. Бляшки в виде 3-х соединенных кружков, вероятно, были изображением дневного солнечного круговорота [Мирошина 1977, с. 79-94.]. Такими экземплярами из кургана возле с. Будки являются пластины в виде строенных кружков с рельефным пояском по краю в количестве 8 единиц (рис. 3, 8). Размеры 16×13 мм. Аналогичные пластины были найдены в кургане № 402 возле с. Журовка Черкасской обл. V в. до н.э. и в курганах IV в. до н.э.: Бердянском кургане Запорожской обл. и кургане № 3 у с. Богдановка Херсонской обл.

Универсальными украшениями, которые использовались в декоре головных уборов, обуви и одежды, служили пластины в виде треугольников, заполненных орнаментом из псевдозерни (рис. 3, 7). Найдено 64 экземпляра. Размеры этих пластин: высота 16 мм, ширина основания 14,5 мм.

Наибольшим по количеству набором являются полусферические пластины в виде пуговиц, найденные в количестве 314 экземпляров. Аналогии таким широко распространенным пластинам, как пластины-пуговицы и треугольники с псевдозернью происходят из степных курганов V-IV вв. до н.э. Днепропетровской, Запорожской, Херсонской областей, а также из Лесостепи – Сумской обл. Подобные бляшки использовались как универсальные украшения в декоре головных уборов, обуви и костюма. В одном захоронении могут встречаться целые наборы подобных пластин разных по размеру, их количество может варьироваться от одного экземпляра до нескольких сотен [Фиалко 2003, с. 127-128].

В рассмотренном выше погребении в общей сложности было обнаружено 425 пластин-аппликаций, которые в ходе изучения были разделены на группы по сюжетам: антропоморфные, зооморфные, с растительными мотивами и геометрической формы. Это самый полный набор пластин из курганов Посулья, который относится к одному погребению. Очевидно, что такое количество разноплановых изображений вряд ли могло украшать исключительно головной убор или покрывало, поэтому можно допустить, что в ногах погребенной было помещено пышное убранство, которое включало в себя головной убор, покрывало, платье и, возможно, обувь.

Если обратится к пластинам-аппликациям с аналогичными сюжетами из других скифских погребений, можно, сделать предположение, что к головному убору относятся пластины с антропоморфными изображениями, растительными мотивами, пластины в виде строенных кружков и вероятно, часть треугольников с псевдозернью. Полусферические пластины могли украшать край покрывала, которое крепилось к головному убору. Остальная же масса использовалась для оформления платья – это пластины с двумя видами грифонов, пластины с изображением оленя и остальная часть треугольников с псевдозернью.

Дополнительные отверстия, пробитые на пластинах по краям отломанных частей и общая потертость предметов, свидетельствуют о том, что они могли служить украшениями, не только погребального костюма, но использовались для праздничного или ритуального наряда.

Украшения, приведенные в данной работе, характерны для IV в. до н.э. и имеют достаточно широкий круг аналогий. Что же касается пластин-аппликаций, то для многих из них нашлись аналогичные по изображению и использованию в курганах скифской знати, как лесостепной, так и степной территории Украины. Остальные же пластины, изображения которых демонстрируют несколько схематичную передачу известных образов, в данном случае грифона и изображения женской головы, скорее всего, были изготовлены мастером-ювелиром, который недостаточно умело скопировал распространенные образы и сюжеты на заказ представителя местной знати.

В этом же погребении знатной скифянки в составе инвентаря были найдены предметы, которые делают его привлекательным для дальнейшего изучения – это серебряный сосуд и конская узда. Подобные сосуды характерны для погребального инвентаря представителей местной знати и входят в серию широко известных в IV в. до н.э. серебряных и электровых кубков греческой работы [Ильинская 1968, с. 163-164]. Замена в могиле уздечкой жертвоприношения коня, который должен был перенести умершего в загробный мир, указывают на уважение родственников к погребенной и достаточно высокое общественное положение, которое она занимала при жизни. Также, следует отметить, что серебряные кубки и конское снаряжение являются более характерными составляющими инвентаря мужских захоронений.

Данное погребение представляет собой один из немногочисленных примеров захоронений представителей скифской знати, уцелевших от разграблений. Сравнительный анализ показал, что по разнообразию сюжетов пластин-аппликаций, а также их количеству, оно выделяется из скифских памятников Лесостепной зоны Украины.

Грибкова Г.О.

ЮВЕЛІРНІ ПРИКРАСИ З КУРГАНУ БІЛЯ СЕЛА БУДКИ

Статтю присвячено матеріалам з малодослідженого жіночого поховання з кургану біля с. Будки Сумської області. Представлено й докладно розглянуто предмети торевтики, серед яких особливу увагу приділено пластинам-аплікаціям, як найчисленнішій групі прикрас. Проаналізувавши подібні поховання території Лісостепу, було встановлено, що в даному похованні знаходився найрізноманітніший набір пластин-аплікацій. Це вказує на наявність досить заможного прошарку суспільства, а також, на досить широке поширення таких прикрас як нашивні бляшки, які були більш характерним і популярним декоративним елементом костюма скіфського часу степової території України.

Ключові слова: Лівобережний Лісостеп, прикраси, пластини-аплікації, курган, поховання, предмети торевтики.

Gribkova G.O.

JEWELRY DECORATIONS FROM BURIAL NEAR VILLAGE BUDKY

This paper is devoted to material from a little-explored female burial near v. Budky Sumka region. Presented and discussed in detail toreutics items, among which special attention is given to the plates, appliquéés, as the largest group of jewelry. Having analyzed these burials Steppe territory, it was found that this burial was the most diverse set of applications-plates. This indicates

that there is a fairly affluent strata of society, and, on a fairly wide distribution of such ornaments as sewn patches, which were more typical and popular decorative element in a costume Scythian steppes of Ukraine.

Keywords: Left-bank forest-steppe, ornaments, plates, applique, mound, burial objects torepitics.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов из собрания государственного Эрмитажа / М.И. Артамонов. – Л.; Прага, 1966. – 120 с. + табл.

Баркова Л.Л. Образ оленя в искусстве древнего Алтая (по материалам Больших Алтайских курганов) / Л.Л. Баркова // АСГЭ. – 1990. – Вып. 30. – С. 55-66.

Ильинская В.А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья / В.А. Ильинская. – К.: Наук. думка, 1968. – 267 с.

Ильинская В.А. Скифия VII-IV вв. до н.э. / В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин. – К.: Наук. думка, 1983. – 379 с.

Клочко Л.С. Скифские налобные украшения VII-III вв. до н.э. / Л.С. Клочко // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. – К.: Наук. думка, 1982. – С. 37-58.

Кузьмина Е.Е. О семантике изображений на Чертомлыцкой вазе / Е.Е. Кузьмина // СА. – 1976. – № 3. – С. 68-75.

Мирошина Т.В. Об одном типе скифских головных уборов / Т.В. Мирошина // СА. – 1977. – № 3. – С. 79-94.

Мирошина Т.В. Некоторые типы скифских женских головных уборов IV-III вв. до н.э. / Т.В. Мирошина // СА. – 1981. – №4. – С. 46-69.

Мозолевський Б.М. Товста Могила / Б.М. Мозолевський. – К.: Наук. думка, 1979. – 251 с.

Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII-V вв. до н.э. / Н.А. Онайко // САИ. – Вып. Д1-27. – М.: Наука, 1970. – 284 с.

Петренко В.Г. Украшения Скифии VII-III вв. до н.э. / В.Г. Петренко // САИ. – Вып. Д4-5. – М.: Наука, 1978. – 144 с.

Фиалко Е.Е. Золотые бляшки из кургана Огуз / Е.Е. Фиалко // РА. – 2003 – №1. – С. 124-133.

Ханенко Б.И. Древности Приднепровья / Б.И. Ханенко, В.Н. Ханенко. – К., 1899. – Вып. II: Эпоха предшествующая Великому переселению народов. – 44 с., 37 илл.